Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-498-505

СТРЕНИН Данил Алексеевич,
Аспирант 2 года обучения,
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
e-mail: ivanov@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРОВ, ПРЕДМЕТОМ КОТОРЫХ ВЫСТУПАЕТ ЦИФРОВОЕ ИМУЩЕСТВО

Аннотация. *Настоящая статья посвящена анализу правового регулирования оборота цифрового имущества в системе гражданского права. Установлено, что на современном этапе развитие соответствующего регулирования осуществляется преимущественно путем адаптации существующих гражданско-правовых конструкций, изначально сформированных применительно к традиционным объектам имущественного оборота, что не позволяет в полной мере учесть специфические признаки цифрового имущества как предмета договорных отношений. При этом законодательное обособление с целью формирования специального правового режима реализовано лишь в отношении отдельных видов цифровых объектов – цифровых прав, включая цифровые финансовые активы, а также цифровой валюты. По результатам проведенного исследования автор приходит к выводу о необходимости комплексной трансформации гражданского законодательства, направленной на его приведение в соответствие с современными экономическими реалиями и особенностями цифровой среды.*

Ключевые слова: *цифровое имущество; цифровые права; иное имущество; гражданский оборот; договор купли-продажи; договор займа; смешанный договор; цифровая экономика.*

STRENIN Danil Alekseevich,
Graduate student of 2 years of study,
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

LEGAL REGULATION OF CONTRACTS INVOLVING DIGITAL ASSETS AS THEIR SUBJECT MATTER

Annotation. *This article is devoted to the analysis of the legal regulation of the circulation of digital assets within the system of civil law. It is established that, at the present stage, the development of the relevant regulatory framework is primarily carried out through the adaptation of existing civil law constructs originally designed for traditional objects of property turnover, which does not fully account for the specific features of digital assets as the subject matter of contractual relations. At the same time, legislative differentiation aimed at establishing a special legal regime has been implemented only with respect to certain categories of digital assets – namely, digital rights (including digital financial assets) and digital currency. Based on the results of the study, the author concludes that a comprehensive transformation of civil legislation is required in order to align it with contemporary economic realities and the specific characteristics of the digital environment*.

Key words: *digital assets; digital rights; other property; civil turnover; contract of sale; loan agreement; mixed contract; digital economy.*

Введение

В условиях стремительного развития цифровой экономики и широкого внедрения информационных технологий в сферу имущественных отношений формируется качественно новая группа объектов гражданского оборота – цифровое имущество. Его появление обусловлено трансформацией способов создания, фиксации и передачи экономических благ, что, в свою очередь, предопределяет необходимость переосмысления традиционных подходов к их правовому регулированию. Цифровые активы, обладая нематериальной природой, технологической обусловленностью и зависимостью от функционирования информационных систем, активно вовлекаются в гражданский оборот, становясь предметом разнообразных соглашений между участниками частноправовых отношений.

В связи с этим особую актуальность приобретает проблема надлежащего юридического оформления договоров, предметом которых выступает цифровое имущество. Однако на современном этапе развитие правового регулирования осуществляется преимущественно по пути адаптации уже существующих гражданско-правовых конструкций к новым экономическим реалиям. Договоры купли-продажи, займа, оказания услуг и иные традиционные модели используются применительно к цифровым объектам без учета их специфических характеристик.

При этом отечественное законодательство лишь частично отреагировало на данные изменения: на сегодняшний день обособление с целью установления специального правового режима осуществлено только в отношении отдельных видов цифровых объектов – цифровых прав, включая цифровые финансовые активы, а также цифровой валюты. В отношении же иных разновидностей цифрового имущества сохраняется неопределенность правового статуса, что препятствует формированию единообразной практики их оборота.

Указанные обстоятельства обусловливают необходимость теоретического осмысления природы цифрового имущества как предмета гражданско-правовых соглашений, а также анализа применимости существующих договорных конструкций к отношениям, складывающимся по поводу его оборота.

Сущность цифрового имущества как предмета гражданско-правовых соглашений

Для того, чтобы в дальнейшем вести речь про цифровое имущество как про объект гражданско-правовых соглашений, вначале резонно определиться с тем, что понимается под термином «цифровое имущество» в цивилистической доктрине.

В работах О. В. Лосевой цифровое имущество рассматривается как разновидность экономических активов, обладающих нематериальной природой и существующих в цифровой форме [1, с. 45]. При этом подчеркивается их технологическая обусловленность: такие объекты создаются с использованием цифровых технологий, функционируют в рамках информационных систем и проявляют свою ценность именно в этих системах, что обеспечивает их включенность в имущественный оборот.

Более детализированный подход представлен в трудах В. В. Кресса, который характеризует цифровое имущество как особый нематериальный объект гражданских прав, обладающий экономической либо потенциальной стоимостью [2, с. 170]. Его концепция базируется на неразрывной связи такого объекта с конкретной информационной системой: вне ее пределов цифровое имущество утрачивает свои ключевые свойства, определяющие его ценность. Кроме того, Кресс акцентируется зависимость правового режима цифровых объектов от правил, устанавливаемых администратором или владельцем соответствующей системы, что влияет на порядок их создания, функционирования и обращения.

Иной аспект проблемы раскрывается в исследованиях Л.Ю. Василевской, в которых цифровое имущество определяется через способ его выражения. По мнению Василевской, такие объекты создаются посредством цифрового языка и криптографического кода и существуют в форме структурированной совокупности буквенно-цифровых символов, отражающих их идеальное содержание [3, с. 12]. Подобная характеристика позволяет провести параллель с объектами права интеллектуальной собственности, поскольку в обоих случаях имеет место сочетание нематериального содержания и его технической фиксации.

В свою очередь, в позиции Н.А. Петракова акцент переносится на правовую значимость соответствующего явления. Петраков рассматривает цифровое имущество как объективированное посредством виртуальных единиц благо, в отношении которого формируются и подлежат защите интересы субъектов гражданского права [4, с. 13]. В данном подходе ключевым является не столько технологический способ существования объекта, сколько его способность выступать предметом правовой охраны и гражданского оборота.

Сопоставление изложенных позиций позволяет выявить их общую концептуальную основу. Независимо от различий в акцентах, все исследователи сходятся в признании нематериального характера цифрового имущества, его существования в цифровой форме, обусловленности информационной системой и наличия экономической ценности, обеспечивающей возможность его оборота. Различия же проявляются преимущественно в степени внимания к технологическим, экономическим или юридическим характеристикам соответствующих объектов.

Учитывая приведенные подходы, представляется обоснованным предложить обобщающее определение, отражающее комплексную природу цифрового имущества. Под ним целесообразно понимать объективированное в цифровой форме благо, выраженное посредством системы программно-кодовых символов и способное выступать самостоятельным объектом гражданских прав, в отношении которого возникают и реализуются субъективные гражданские права. Такое понимание позволяет, с одной стороны, учесть

специфику цифровой среды, а с другой – интегрировать данный феномен в систему гражданско-правового регулирования без утраты его сущностных характеристик.

В научной литературе предпринимаются попытки конкретизировать содержание категории цифрового имущества через определение круга входящих в нее объектов. Так, А.В. Поплаухиной был предложен ориентировочный перечень цифровых активов, включающий как экономически значимые, так и повседневные элементы цифровой среды. В частности, к числу таких объектов ею отнесены криптовалюта, аккаунты в социальных сетях, виртуальные игровые объекты, доменные имена, цифровые изображения (в том числе стикеры), адреса электронной почты, токены, электронная корреспонденция, базы данных, видеоконтент, а также средства доступа к соответствующим активам, включая пароли [5, с. 27].

В настоящее время преобладает подход, согласно которому цифровое имущество квалифицируется в системе объектов гражданских прав как разновидность «иного имущества» [9]. Вместе с тем развитие законодательства свидетельствует о стремлении к дальнейшей дифференциации цифровых объектов. Существенным этапом в этом направлении стало введение в Гражданский кодекс Российской Федерации статьи 141.1, закрепившей понятие цифровых прав [10]. Одновременно соответствующие изменения привели к уточнению статьи 128 ГК РФ, в рамках которой цифровые права были прямо отнесены к имущественным правам. Указанное законодательное решение порождает дискуссионный вопрос: по каким критериям одни цифровые объекты получили специальное нормативное закрепление, тогда как другие продолжают существовать в составе «иного имущества» без детализированного правового режима?

Вместе с тем для корректного теоретического осмысления цифрового имущества принципиальное значение имеет позиция Е. А. Суханова, согласно которой само понятие «имущество» в гражданском праве носит обобщающий характер и используется для обозначения совокупности объектов гражданского оборота. Вследствие этого данная категория не формирует самостоятельного правового режима [6, с. 18], а потому и само цифровое имущество не может рассматриваться как единый объект с унифицированным правовым режимом. Напротив, в зависимости от своей природы оно может подпадать под различные уже существующие конструкции гражданского права.

Данное обстоятельство обусловливает наличие двух основных доктринальных направлений. С одной стороны, значительная часть исследователей исходит из возможности включения цифрового имущества в рамки действующих гражданско-правовых режимов, рассматривая складывающиеся по поводу него отношения как частноправовые. С другой стороны, высказывается позиция о необходимости формирования для цифровых объектов особого, качественно нового правового регулирования, учитывающего их технологическую специфику и отличия от традиционных объектов.

Оборот цифрового имущества, поименованного в качестве отдельных объектов гражданских прав (на примере отдельных гражданско-правовых соглашений)

В российском гражданском праве вопрос о применимости традиционных договорных конструкций к цифровому имуществу не может решаться единообразно для всех цифровых объектов, поскольку само выражение «цифровое имущество» пока носит преимущественно доктринальный, а не легально исчерпывающий характер. Нормативно закреплены отдельные виды таких объектов: цифровые права, цифровые финансовые активы и цифровая валюта. При этом статья 128 ГК РФ относит к объектам гражданских прав иное имущество, включая имущественные права, в том числе цифровые права, а статья 141.1 ГК РФ прямо закрепляет, что цифровыми правами являются названные в законе обязательственные и иные права, содержание и порядок осуществления которых определяются правилами соответствующей информационной системы; распоряжение ими, включая передачу и обременение, допускается только внутри такой системы [11].

Следовательно, в современном праве допустима не абстрактная постановка вопроса о «цифровом имуществе вообще», а анализ применимости каждой договорной модели к конкретному цифровому объекту с учетом его юридической природы – вещи, имущественного права, цифрового права, цифрового финансового актива либо цифровой валюты. Именно поэтому было бы методологической ошибкой механически переносить на цифровые активы любой привычный договор только потому, что объект обладает экономической ценностью. Для гражданского права решающим является не наличие стоимости как таковой, а юридическая квалификация объекта. Если цифровой актив представляет собой имущественное право, к его обороту могут применяться нормы о продаже прав, уступке требования, залоге прав и иных обязательственных механизмах.

Договор купля-продажи

Наиболее применимой к цифровому имуществу является договорная модель купли-про-

дажи. Это прямо вытекает из пункта 4 статьи 454 ГК РФ, согласно которому положения о купле-продаже применяются к продаже имущественных, в том числе цифровых, прав, если иное не вытекает из содержания или характера этих прав [12]. Следовательно, когда цифровой объект юридически оформлен именно как имущественное право или как цифровое право, его отчуждение за плату в принципе может быть сконструировано как купля-продажа.

Применительно к цифровым финансовым активам отметим, что закон прямо определяет их как цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества либо право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг (ч. 2 ст. 1 ФЗ «О ЦФА»). Иначе говоря, закон уже сам связывает ЦФА с имущественно-правовой природой, а потому их возмездное отчуждение логично укладывается в модель продажи имущественных прав с учетом специальных требований закона о выпуске, учете и обращении таких активов. Однако и здесь общегражданская конструкция действует не в чистом виде, а в сочетании со специальным режимом соответствующей информационной системы, внутри которой должна быть совершена передача права.

В отношении цифровой валюты договор купли-продажи также в целом возможен, но с существенными оговорками. Конституционный Суд в недавнем Постановлении специально отметил, что обладатель цифровой валюты может автономно совершать с ней покупку, обмен и иные приходно-расходные операции, а сама цифровая валюта обладает экономической ценностью и оборотоспособностью [13]. Вместе с тем статья 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте» устанавливает важное ограничение: юридическим и физическим лицам в предусмотренных законом случаях запрещено принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы и оказываемые услуги (если они не в рамках ВЭД [14]). Поэтому необходимо различать две ситуации. Первая – продажа самой цифровой валюты как объекта гражданских прав за рубли или иное допустимое встречное предоставление. Такая конструкция возможна. Вторая – использование цифровой валюты в качестве средства оплаты по обычному договору купли-продажи товаров, работ или услуг. Здесь действует специальный запрет. Иными словами, цифровая валюта может выступать предметом сделки, но не универсальным законным средством исполнения денежного обязательства в частном обороте.

Договор поставки

Что касается договора поставки, то его применимость к цифровому имуществу заметно уже, чем у купли-продажи. Согласно статье 506 ГК РФ, поставщик обязуется передать товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных непотребительских целях. Отсюда вытекает, что категория поставки ориентирована именно на товар как на вещь, а не на имущественное право [7, с. 32-33].

Поэтому к цифровым объектам, которые существуют как права требования передачи соответствующей вещи (товара), модель поставки применима лишь ограниченно и скорее по аналогии, чем напрямую. Иначе говоря, если стороны в предпринимательской сфере регулярно отчуждают стандартизированные цифровые объекты сериями, экономически их отношения могут напоминать поставку, но юридически более корректной квалификацией обычно будет либо купля-продажа имущественных прав, либо смешанный договор. Прямое применение норм о поставке к цифровым правам осложняется тем, что многие ее институты рассчитаны на вещно-товарный оборот: количество товара, комплектность, тара, доставка, ответственное хранение непринимаемого товара и тому подобное. Эти элементы далеко не всегда совместимы с нематериальной природой цифрового актива

Договор хранения

Еще более проблематично прямое применение к цифровому имуществу договора хранения. Статья 886 ГК РФ определяет хранение как обязательство хранителя хранить вещь, переданную поклажедателем, и возвратить эту вещь в сохранности. Следовательно, классическое хранение по своей природе возможно лишь в отношении вещи. Цифровые права, цифровые финансовые активы и цифровая валюта вещами не являются: они существуют либо как права, либо как совокупность электронных данных в информационной системе. Поэтому договор хранения в его легальном смысле к ним прямо не подходит.

Именно по этой причине отношения, возникающие при размещении цифровых активов на бирже, у оператора кошелька, у кастодиального провайдера либо на иной цифровой платформе, обычно точнее описываются не как хранение, а как договор возмездного оказания услуг [8], договор об осуществлении учета, агентский договор, договор доверительного либо технического администрирования, либо смешанный договор с элементами обеспечения сохранности доступа, учета операций и исполнения распоряжений клиента. Использование термина «хранение» в деловой практике здесь возможно лишь условно, в экономическом, а не строгом юридическом смысле.

Договор займа

Спорной, но особенно интересной является применимость договора займа. Согласно статье 807 ГК РФ предметом займа могут быть деньги, вещи, определенные родовыми признаками, или ценные бумаги, причем заемщик обязан возвратить такую же сумму денег, равное количество вещей того же рода и качества либо такие же ценные бумаги. Из этого следует, что классический заем структурно приспособлен либо к денежным средствам, либо к заменимым вещам, либо к ценным бумагам.

Для цифровых прав и ЦФА это означает, что сам по себе «токен» как цифровая оболочка не всегда может выступать предметом займа; решающее значение имеет то, является ли передаваемый объект деньгами, вещью родовых признаков или ценной бумагой в юридическом смысле. Поскольку цифровые права по статье 141.1 ГК РФ представляют собой обязательственные и иные права, а не вещи, их передача чаще тяготеет не к займу, а к уступке, продаже или иному способу распоряжения правом. В отношении цифровой валюты Конституционный Суд указал, что она не относится ни к безналичным денежным средствам, ни к ценным бумагам, ни к цифровым правам, хотя и обладает имущественной ценностью [15]. Поэтому строгая квалификация передачи цифровой валюты как классического займа вызывает серьезные сомнения. Не случайно в судебной практике встречались споры о «инвестиционном займе» цифровой валюты, когда стороны при фактической передаче USDT определяли в соглашении, что предметом инвестирования являются «денежные средства». А поскольку криптовалюта не является денежными средствами, суды признают такие соглашения недействительными [16]. Следовательно, временная передача цифровой валюты с обязанностью возврата эквивалента экономически может напоминать заем, но юридически будет квалифицироваться как непоименованный либо смешанный договор.

Иные договорные конструкции

Особого внимания заслуживает и то обстоятельство, что некоторые цифровые объекты вообще требуют не купли-продажи и не поставки, а иных договорных моделей. Так, если цифровой актив по своей сущности представляет собой право требования к эмитенту, на первый план выходит не вещный оборот, а оборот обязательственных прав. Если речь идет о результатах интеллектуальной деятельности в цифровой форме, надлежащими конструкциями чаще будут лицензионный договор или договор об отчуждении исключительного права [17], а не купля-продажа в обычном понимании. Если цифровой объект существует только внутри определенной платформы, содержание прав на него может полностью зависеть от правил этой платформы, что прямо следует из статьи 141.1 ГК РФ. Поэтому применимость традиционных договоров определяется не цифровой формой объекта, а его правовой функцией в обороте [18]. Иначе говоря, одно и то же экономическое явление может требовать разных юридических оболочек: продажу, уступку, лицензию, оказание услуг, агентирование, доверительное управление или смешанный договор.

Оборот цифрового имущества, непоименованного в качестве отдельных объектов гражданских прав

Оборот же непоименованного цифрового имущества осуществляется через адаптацию уже существующих гражданско-правовых конструкций. Если же цифровой объект связан прежде всего с доступом к сервису, учетной записью, возможностью использования функционала платформы либо с участием в цифровой экосистеме, отношения сторон нередко приобретают смешанный характер и включают элементы лицензионного, обязательственного, корпоративного либо иного соглашения [19].

Из сказанного следует, что центральной проблемой оборота непоименованного цифрового имущества является не столько признание его имущественной ценности, сколько определение применимого правового режима. Поскольку категория «имущество» в гражданском праве выступает родовой и не образует единого специального режима для всех входящих в нее объектов, непоименованные цифровые активы не могут автоматически подчиняться одному набору правил. В каждом конкретном случае требуется установить, какие свойства объекта являются определяющими: наличие имущественного интереса, связь с обязательственным требованием, зависимость от платформенных правил, сходство с результатами интеллектуальной деятельности, возможность индивидуализации, отделимость от личности пользователя, оборотоспособность и допустимость правопреемства. Иначе говоря, оборот непоименованного цифрового имущества строится по модели функциональной квалификации, при которой правовая форма подбирается не по названию объекта, а по его содержанию и по характеру складывающихся отношений.

Отсюда мы можем утверждать, что современное российское право уже допускает оборот цифрового имущества, не поименованного законодателем в качестве самостоятельных объектов

гражданских прав, но делает это преимущественно через рамочные конструкции – категорию «иного имущества», принцип свободы договора, применение аналогии закона и использование смешанных договорных моделей.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что существующая система гражданско-правового регулирования, сформированная применительно к традиционным объектам имущественного оборота, в настоящее время не в полной мере отвечает специфике цифровых активов и возникающих по поводу них общественных отношений. Использование классических правовых конструкций обеспечивает лишь частичную интеграцию цифрового имущества в правовую систему, поскольку такие конструкции изначально ориентированы на иные по своей природе объекты и не учитывают технологическую обусловленность, зависимость от информационных систем и гибридный характер современных цифровых благ. В этих условиях дальнейшее развитие правового регулирования требует системной модернизации гражданского законодательства, направленной на его согласование с цифровой экономикой, в том числе путем разработки специальных норм, учитывающих особенности возникновения, осуществления и защиты прав на цифровые объекты.

Список литературы:

[1] Лосева, О. В. Виды и классификация цифровых активов для целей стоимостной оценки / О. В. Лосева // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 2(245). – С. 45-57. – DOI 10.24412/2072-4098-2022-2245-45-57. – EDN UJSORO.

[2] Кресс, В. В. К вопросу о понятии виртуального (цифрового) имущества как объекте гражданских прав / В. В. Кресс // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 1. – С. 164-175. – DOI 10.24412/2073-3305-2024-1-164-175. – EDN LZFTQT.

[3] Василевская Л.Ю. Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам / Л.Ю. Василевская // Lex Russica. – 2025. – №9. – С. 9-23. – DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.009-023

[4] Петраков, Н.А. Цифровое имущество как объект гражданских прав : дис. ... кандидата юридических наук : 5.1.3. / Петраков Никита Андреевич; [Место защиты: ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» ; Диссовет Д 203.019.XX (03.2.006.04)]. – Москва, 2024. – 156 с.

[5] Поплаухина, А.В. Особенности наследования цифрового имущества / А.В. Поплаухина// Законодательство. – 2026. – №3. – С. 27-31. – DOI 10.58741/16818695–2026–3–27

[6] Суханов, Е. А. О вещном праве собственности и «цифровых правах» / Е. А. Суханов // Интеграция науки и образования в условиях цифровой трансформации : Монография. В 3-х томах / Отв. редакторы С.Д. Могилевский, О.В. Шмалий [и др.]. Том 3. – Москва : РГ-Пресс, 2022. – С. 11-12. – EDN ECQTFM.

[7] Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права в 4 т. Том 1. Введение. Торговые деятели / Г. Ф. Шершеневич. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 397 с. – ISBN 978-5-534-07829-9.

[8] Князева, Е. Ю. Цифровые финансовые активы: правовые аспекты регулирования на современном этапе / Е. Ю. Князева // Безопасность бизнеса. – 2022. – № 2. – С. 22-26. – DOI 10.18572/2072-3644-2022-2-22-26. – EDN ETKXGK.

[9] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 4. ст. 372.

[10] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.

[11] См. подробнее: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. ст. 4418.

[12] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). ст. 5018.

[13] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. ст. 410.

[14] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федера-

ции» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 4. ст. 372.

[15] Федеральный закон от 08.08.2024 № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (Часть I). ст. 4919.

[16] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 4. ст. 372.

[17] Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 16 февраля 2026 г. по делу № 33–3604/2026

[18] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). ст. 5496.

[19] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2. 2019.

[20] Например: Определение Верховного Суда РФ от 30.09.2015 N 305-КГ15-12154 по делу № А40-91072/14

References:

[1] Loseva, O. V. Types and classification of digital assets for valuation purposes/O. V. Loseva// Property relations in the Russian Federation. – 2022. – № 2(245). - S. 45-57. – DOI 10.24412/2072-4098-2022-2245-45-57. – EDN UJSORO.

[2] Kress, V.V. On the question of the concept of virtual (digital) property as an object of civil rights/V.V. Kress//Education. Science. Scientific cadres. – 2024. – № 1. - S. 164-175. – DOI 10.24412/2073-3305-2024-1-164-175. – EDN LZFTQT.

[3] Vasilevskaya L.Yu. Digitalization of objects of civil circulation: from transformation to new legal regimes/L.Yu. Vasilevskaya//Lex Russica. – 2025. – №9. - S. 9-23. – DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.009-023

[4] Petrakov, N.A. Digital property as an object of civil rights: dis.... Candidate of Legal Sciences: 5.1.3 ./Petrakov Nikita Andreevich; [Place of protection: FGKOU HE “Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya”; Dissertation Council D 203.019. XX (03.2.006.04)]. - Moscow, 2024. - 156 s.

[5] Poplaukhina, A.V. Features of inheritance of digital property/A.V. Poplaukhina//Legislation. – 2026. – №3. - S. 27-31. – DOI 10.58741/16818695–2026–3–27

[6] Sukhanov, E. A. On property rights and “digital rights “/E. A. Sukhanov//Integration of science and education in the context of digital transformation: Monograph. In 3 volumes/Rev. editors S.D. Mogilevsky, O.V. Shmaliy [et al.]. Volume 3. - Moscow: RG-Press, 2022. - S. 11-12. – EDN ECQTFM.

[7] Shershenevich, G.F. Trade Law Course in 4 vols. Volume 1. Introduction. Trade figures/G.F. Shershenevich. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. - 397 p. - ISBN 978-5-534-07829-9.

[8] Knyazeva, E. Yu. Digital financial assets: legal aspects of regulation at the present stage/E. Yu. Knyazeva//Business security. – 2022. – № 2. - S. 22-26. – DOI 10.18572/2072-3644-2022-2-22-26. – EDN ETKXGK.

[9] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2026 No. 2-P “In the case of checking the constitutionality of part 6 of article 14 of the Federal Law “On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation” in connection with the complaint of citizen Timchenko Dmitry Igorevich “//Collection of legislation of the Russian Federation. 2026. № 4. Article 372.

[10] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[11] See more details: Federal Law No. 259-FZ of 02.08.2019 (as amended on 08.08.2024) “ On attracting investments using investment platforms and on amending certain legislative acts of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 31. Art. 4418.

[12] Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ (as amended on 15.12.2025, as amended on 20.01.2026) “ On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Article 5018.

[13] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated 26.01.1996 No. 14-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410.

[14] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2026 No. 2-P “In the case of checking the constitutionality of part 6 of article 14 of the Federal Law “On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation” in connection with

the complaint of citizen Timchenko Dmitry Igorevich "//Collection of legislation of the Russian Federation. 2026. № 4. Article 372.

[15] Federal Law of 08.08.2024 No. 223-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 33 (Part I). Art. 4919.

[16] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2026 No. 2-P "In the case of checking the constitutionality of part 6 of article 14 of the Federal Law "On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen Timchenko Dmitry Igorevich "//Collection of legislation of the Russian Federation. 2026. № 4. Article 372.

[17] Appeal ruling of the Investigative Committee in civil cases of the Moscow City Court of February 16, 2026 in case No. 33-3604/2026

[18] Civil Code of the Russian Federation (Part Four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (1 hour). Art. 5496.

[19] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 No. 49 "On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract "//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2. 2019.

[20] For example: Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.09.2015 No. 305-KG15-12154 in case No. A40-91072/14

